

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. А. Цуканов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 февраля 2016 г.

Аннотация: в статье анализируется положение военнопленных неприятельских армий в период Первой мировой войны, расквартированных на территории Воронежской губернии. Исследуются бытовые стороны содержания военнопленных и причины побегов из мест временного пребывания.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, Воронежская губерния.

Abstract: the article analyzes the situation of prisoners of war of the enemy armies during the First World war, stationed on the territory of Voronezh region. Examines the domestic side of military prisoners and the causes of the escapes from places of temporary detention.

Key words: prisoners of war; First World war; Voronezh region.

История войн изучает не только количественные характеристики, такие как численность войск, наличие тех или иных видов вооружения, состояние армий и другие немаловажные вопросы, но и поднимает проблему военнопленных. Самыми болезненными вопросами социального характера в годы войны являются, пожалуй, вопросы беженцев и военнопленных. Неисчислимы страдания этих непреднамеренно возникших социальных групп побуждали правительства передовых держав создать законодательную базу для облегчения участи прежде всего военнопленных. Созванная по инициативе русского монарха Николая II Гагская конференция хоть и не достигла своей первоначальной цели, но все же приняла ряд положений, регулирующих правила ведения войн. Конечно, будет лукавством утверждать, что воюющие стороны беспрекословно придерживались «законов и обычаев ведения сухопутной войны», но сам факт подписания этого документа свидетельствует о гуманистических устремлениях будущих соперников.

«Военнопленные находятся во власти неприятельского Правительства, – гласила статья 4-й Гагской конвенции от 18 октября 1907 г., – с ними надлежит обращаться человеколюбиво» [1]. Согласно положениям конвенции государство, в плену которого оказались солдаты, имело право привлекать их к работам «сообразно с их чином и способностями» [там же]. Более того, работы, производимые пленными, должны были оплачиваться за вычетом расходов на их содержание. Военнопленные должны иметь такое же содержание и довольствие, как солдаты действующей армии [там же].

Анализируя архивные свидетельства ГАВО, невольно приходишь к выводу о том, что Россия стара-

тельно соблюдала положения 4-й Гагской конвенции. Так, на имя воронежского губернатора и командующих военными округами было разослано распоряжение МВД о необходимости составления фотоальбома, отражающего жизнь неприятельских солдат в плену. В распоряжении министерства подчеркивалось, что «в целях пресечения распространяемых нашими врагами инсинуаций относительно будто бы крайне неудовлетворительного содержания военнопленных (необходимо. – Д. Ц.) составить сборник фотографических изображений как общих существующих у нас лагерей пленных, так и отдельных лагерных построек и приспособлений» [2, д. 2328, л. 1]. Фотографам надлежало запечатлеть быт и занятия военнопленных в летнее время и избегать при этом постановочных фотографий. По замыслу чиновников Министерства внутренних дел фотографии должны были опровергнуть слухи о неблагоприятных условиях содержания военнопленных в России и продемонстрировать миру факт приверженности страны положениям конвенции.

Входившая в состав Московского военного округа и считавшая поэтому тыловой Воронежская губерния была губернией – реципиентом военнопленных. Вопросами приема и размещения в тылу неприятельских военнопленных занималось военное ведомство. С целью снижения расходов на содержание пленных военное министерство предложило земствам воспользоваться трудом военнопленных на обозначенных заранее условиях. Согласно «Правилам о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных общественных работ» ведомство, желающее воспользоваться трудом военнопленных, обязано было сообщить Военному министерству о характере работ, их месте и количестве работников. Возвращение военнопленных обратно под юрисдик-

цию военного ведомства должно сопровождаться наличием у них одежды по сезону. В каждой партии военнопленных должен обязательно присутствовать офицер, необходимый для поддержания контактов с солдатами. При передаче военнопленных гражданскому ведомству военный конвой с них снимался, а обязанность по охране военнопленных переходила к ведомству, которое сделало запрос на их получение. Для охраны пленников, привлеченных к работам, предписывалось нанять сторожей. Расположение военнопленных осуществлялось путем заселения их в землянки и бараки, а «при отсутствии таковых и невозможности срочно выстроить их, – в ближайших селениях, в частных домах, но непременно казарменным порядком» [3, д. 9580, л. 3]. Что касается вопроса, касающегося организации питания военнопленных, то в Правилах имелось четкое положение: «Продовольствоваться же за все время работ военнопленные нижние чины должны из общего котла, на одинаковом основании с нижними чинами русской армии» [там же]. Военное ведомство снимало с себя ответственность за содержание военнопленных после факта передачи их в распоряжение земских управ.

Земские управы, получающие военнопленных, были обязаны обеспечить их работой, создать комфортные условия содержания и медицинского обслуживания, осуществлять мониторинг их состояния здоровья. Помимо этого, земствам предписывалось осуществить поиск средств для найма охраны военнопленных, а также возратить последних по первому требованию военного ведомства. Перечень работ, на которые привлекались военнопленные, был достаточно широким. Прежде всего это были сельскохозяйственные работы, в которые было вовлечено подавляющее большинство пленников. Из донесений уездных органов местного самоуправления становится ясно, что управы использовали пленников преимущественно на работах, связанных с посевами и уборкой урожая. Однако, например, Павловский уезд использовал рабочую силу неприятельских воинов на Нижнекисляйском сахарном заводе в количестве 57 человек [2, д. 2203, л. 58]. Согласно донесениям местных исполнительных властей, в начале 1916 г. воронежская губерния пользовалась трудом 7659 военнопленных. Из них больше всего пленников трудилось в Бобровском (1667 человек) и Валуйском уездах (1430 человек). При этом крупные землевладельцы могли позволить себе содержать сотни военнопленных, как это было в имении князя Орлова в Бобровском уезде [там же, д. 2203, л. 23–24].

Стоит отметить, что власти оперативно реагировали на случаи нарушения условий содержания военнопленных. Поступавшие от пленников жалобы тщательным образом рассматривались, и результаты расследования доводились до сведения губернатора. Архивные свидетельства содержат серию такого рода

прецедентов, и один из таких случаев – жалоба военнопленного австрийского происхождения Германа Фридмана, который обратился к воронежскому губернатору с просьбой разобраться в его ситуации. «Довожу до Вашего сведения, – пишет австриец, – что нас, военнопленных, при такой трудной работе с 6 часов утра до 8 часов вечера и усердном отношении к ней очень плохо кормят: дают нам два раза в день гнилой кислой капусты, а иногда тухлой соленой рыбы. Мяса уже совсем не дают последние два месяца, как полагается по Уставу» [там же, д. 2240, л. 27]. Далее военнопленный пишет, что почувствовав себя нездоровым, он попросил управляющего Ф. А. Павлова отправить его к доктору и улучшить условия содержания военнопленных, в ответ на что был побит палкой. Военнопленный просит разобраться в этой ситуации и заверяет губернатора в том, что он и его товарищи не уклоняются от работ, а требуют более гуманного отношения.

Губернатор М. Ершов поручил Задонскому уездному исправнику провести дознание по поводу жалобы и результаты сообщить ему. Указанные в жалобе Фридмана недостатки не подтвердились при опросе лиц, на которых ссылался пленный австриец. Кухарка Елена Анашкина заявила, что «за время службы в училище получала продукты для варки пицци рабочим и военнопленным всегда хорошего качества» [там же, л. 29]. То же самое было сказано и про «гнилую капусту», о которой упоминал Фридман. Надо отметить, что все опрошенные исправником люди, которые имели непосредственное отношение к данному училищу, не подтвердили указанные Фридманом сведения о недоброкачественной пище. Напротив, они утверждали, что пища для сотрудников училища и военнопленных готовилась из одних продуктов, на качество которых жалоб не поступало. Кроме того, было обнаружено другое обстоятельство – между Фридманом и Павловым возник конфликт, который, возможно, и послужил толчком для написания жалобы. Будучи конюхом в конюшенном дворе, Фридман не дал лошадь для работы другому военнопленному. Когда об этом узнал управляющий Павлов, то вызвал австрийца для объяснения. Фридман держался дерзко, как утверждал опрошенный К. М. Грачев, «руки держал в карманах», но рукоприкладства со стороны управляющего замечено не было [там же, л. 30]. Из свидетельских показаний опрошенных стало ясно, что претензии Германа Фридмана были безосновательными, если не сказать клеветническими. По результатам проверки Задонский исправник докладывал губернатору, что «при личном осмотре соленая капуста, которая выдается пленным и воспитанникам училища, хорошего качества, размещены пленные в отдельном от рабочих здании, состоящем из трех комнат, и имеют каждый отдельную кровать с матрацем» [там же, л. 26]. И далее

исправник отметил еще одну деталь, которая свидетельствует в пользу версии о предвзятости жалобы. Не имея возможности писать по-русски, Герман Фридман попросил составить письмо некую Орлову, отец которой ранее был поставщиком дров и продуктов в училище [там же]. Разрыв экономических отношений Павлова с Орловым привел к крайнему неудовольствию последнего. В итоге «жалоба военнопленного Германа Фридмана на действия управляющего Конь-Колодезским сельскохозяйственным училищем Павлова как неподтвердившаяся при дознании оставлена без последствий» [там же, л. 35].

Вышеописанный эпизод – одна из иллюстраций большого количества аналогичных прецедентов, имевших место в Воронежской губернии в годы войны. Летом 1916 г. отказ военнопленных от сельскохозяйственных работ стал приобретать массовый характер. На имя губернатора поступило заявление владельца экономии В. П. Федосеева, по содержанию больше похожее на крик о помощи. Помещик писал, что «отказ военнопленных от работ принял эпидемический характер, сопровождающийся неповиновением, грубостями, угрозами и даже разгромом помещений» [там же, д. 2331, л. 18]. Федосеев указывал на недейственность распоряжений губернатора по борьбе с саботажем военнопленных и взывал к национальному чувству. «Победители русские оказываются в подчиненном положении у военнопленных немцев и мадьяр, – писал возмущенный владелец экономии. – Если не удастся пресечь массовый побег накануне уборки хлебов, то Россия получит такой удар в спину, который будет иметь не меньшее, если не большее значение, чем на поле брани» [там же]. И хотя в ходе расследования выявились факты, свидетельствующие не в пользу Федосеева, помещик поднял вопрос, в котором с ним были солидарны тысячи других крупных и мелких хозяйств. Дело в том, что война отобрала у деревни десятки тысяч рабочих рук, и военнопленные должны были это в той или иной мере компенсировать. Вполне понятно, что труд военнопленных не мог быть полноценной заменой труда мобилизованных русских крестьян, но стал распространенной практикой того времени. По оценке М. Д. Карпачева, существенного влияния на экономику деревни эта мера оказать не могла, и уже хотя бы потому, что у военнопленных отсутствовала материальная заинтересованность в результатах своего труда, несмотря на то, что труд пленных оплачивался [4, с. 61]. А между тем крестьяне жаловались на трудности, связанные с недостатком рабочих рук. Земство шло навстречу крестьянам и, когда подходили сроки сдачи пленных военному ведомству, ходатайствовало перед вышестоящими органами о продлении срока пребывания пленных. В качестве примера можно взять переписку Богучарской уездной управы с губернатором по вопросу продления срока

пребывания пленных на территории уезда. Сетую на превратности погоды и невозможность начать уборку зерновых, земцы заявили губернатору о невозможности «в близком будущем снять с сельскохозяйственных работ военнопленных» [2, д. 2239, л. 16]. Получив аналогичные прошения от ряда уездных земств, губернатор ходатайствовал перед военным министерством о вышеуказанном деле и добился положительного ответа.

Частая периодичность побегов военнопленных свидетельствует, как ни парадоксально, о весьма комфортных условиях их пребывания в плену. Не тяжкие условия жизни и труда в русском плену заставляли пленных австрийцев разрабатывать и реализовывать планы побегов, а как раз гуманное отношение и относительная свобода перемещения. В этом смысле интересен донос некоего П. Мазурина, который негодовал по поводу слишком хорошего содержания австрийских пленников в имении В. Тушнева в Павловском уезде. «Чрезмерно неуместная заботливость г. Тушнева о находящихся у него пленных австрийцах дошла до того, – возмущается Мазурин, – что он предоставляет в их распоряжение свои охотничьи ружья, разрешая им использовать свой широкий досуг приятным времяпрепровождением на охоте» [там же, д. 2244, л. 37]. Сам Тушнев опроверг информацию, содержащуюся в доносе, предположив, что его появление стало проявлением личной неприязни к нему Мазурина. При этом владелец имения не отрицал своего доброго отношения к военнопленным, объяснив, что «враги эти все до одного, в числе 6 человек суть галичане-русские, добровольно сдавшиеся в русский плен» [там же, с. 2239, л. 42]. Возможно, этот случай является примером исключительно хорошего содержания военнопленных, но архивные материалы дают и другие свидетельства весьма сносных условий проживания и труда пленных. Мелкие крестьянские хозяйства использовали труд одного-двух пленников и в сезон уборки урожая делили с ними и кусок хлеба, и спальное место. Уездные управы категорически протестовали против такой формы содержания военнопленных и требовали обеспечить их казарменное расселение. В свою очередь, отношение к русским военнопленным, находящимся в австрийском плену, отличалось неоправданной жесткостью. Уроженец Воронежской губернии Иван Катаев и еще четверо россиян были расстреляны 1 июня 1915 г. за отказ рыть траншеи [5, с. 106]. Впрочем, наивно будет полагать, что данный прецедент был чем-то из ряда вон выходящим, тем более в условиях продолжавшейся войны.

Периодически происходившие побегі военнопленных причиняли много головной боли местным властям. В связи с этим меры дисциплинарного взыскания за различного рода нарушения порядка пребывания в плену ужесточались. Губернатор постано-

вил принять на вооружение рекомендацию МВД о формах наказания провинившихся, согласно которой виновные подвергались простому, строгому и усиленному аресту. При усиленном аресте нарушитель помещался в темный карцер и практически лишался горячей пищи. В любом случае провинившиеся должны были спать на голых нарах, не разрешалось курение, игры, исполнение песен, а также общение с посторонними. Сроки заключения под стражу варьировались от 7 суток до одного месяца. Так, заслушав рапорт Землянского исправника о самовольном оставлении работ австрийскими военнопленными Стефаном Свитлановичем и Божо Марковичем в имении землевладельца Зотова, воронежский губернатор постановил «подвергнуть военнопленных... за самовольный уход с работ и отказ от последних строгому аресту на двадцать суток каждого» [2, д. 2331, л. 9].

Воронежское жандармское управление, обеспокоенное возможными диверсиями со стороны представителей Американского Красного Креста, предписывало проявлять особую бдительность и осторожность, наблюдая за сестрами милосердия, прибывшими помочь военнопленным. Серьезные опасения властей вызывало то, что «упомянутые американские отряды (медицинского персонала Красного Креста. – Д. Ц.) были сформированы не в Америке, а в Берлине» [6, д. 1547, л. 1]. Военное министерство рекомендовало тщательным образом вести наблюдение за деятельностью миссии на территории губернии. С этой целью военным ведомством было отдано распоряжение местным военным начальникам допускать персонал Красного Креста к военнопленным в исключительно краткосрочный период, необходимый для оказания денежной и иной материальной помощи. «При этом в целях оказания упомянутым пленным медицинской помощи членам означенной миссии может быть разрешено там, где наблюдается необходимость, оставлять в распоряжение начальства разрешенные медицинские препараты» [там же].

Система наказаний, применявшаяся к провинившимся военнопленным, стала реакцией властей на участвовавшие побег и уклонение от работ. Но и она не стала панацеей по предотвращению случаев саботажа сельскохозяйственных и иных работ. Возможно, проблема заключалась в том, что отношение к пленным австрийского подданства среди россиян было более чем гуманное. Прекрасно понимая, что подавляющая часть военнопленных – славянского происхождения, местное население и власти не видели необходимости и попросту не считали нужным держать пленных в «ежевых рукавицах». Иллюстрацией

к этому может служить вышеописанный эпизод с жалобой на В. Тушнева, который якобы чересчур хорошо обращается с военнопленными. Помещик, вероятно, был выразителем мнения большого количества единомышленников, заявив, что все военнопленные в его имении – галичане, русины, а следовательно, врагами русских они быть не могут.

Изучение архивных свидетельств приводит к выводу о том, что власти губернии самым внимательным образом относились к проблеме военнопленных. Это деятельное участие обуславливалось не в последнюю очередь взятыми на себя международными обязательствами на Гаагской конференции. Будучи тыловым регионом, Воронежская губерния приняла тысячи военнопленных преимущественно австрийского подданства. Необходимость облегчить финансовое бремя по содержанию военнопленных побуждала военное ведомство передавать их в ведение земского самоуправления, которое использовало их труд в основном в сельском хозяйстве. Регулярность побегов пленников свидетельствует о неудовлетворительной организации охраны. Однако причиной этому является не столько халатность, сколько менталитет русского человека, не рассматривавшего пленных славян австрийской армии в качестве врагов. Тем не менее губернские власти не оставляли эти случаи без внимания и принимали решительные меры для пресечения побегов. Впрочем, рассуждая об этом, не стоит забывать о психологическом настрое военнопленных, оказавшихся на чужбине и вынужденных работать практически задаром, не имея никаких представлений о сроках окончания войны. Война, однако, не знает сантиментов и не ценит человеческую жизнь как таковую, поэтому в данных условиях главное – элементарно выжить, что и делали военнопленные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаагская конвенция 1907 г. – Режим доступа: <http://avkrasn.ru/article-789.html>
2. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-21. – Оп. 1.
3. ГАВО. – Ф. И-20. – Оп. 1.
4. Карпачев М. Д. Экономическая деятельность воронежского земства в конце XIX – начале XX в. (по архивным материалам) / М. Д. Карпачев // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж, 2004. – Вып. 2.
5. Нигматов В. В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии / В. В. Нигматов // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж, 2004. – Вып. 2.
6. ГАВО. – Ф. И. 1. – Оп. 1.

*Воронежский государственный университет
Цуканов Д. А., аспирант кафедры истории России
E-mail: dan-cukanov@yandex.ru
Тел.: 8-908-140-10-80*

*Voronezh State University
Tsukanov D. A., Post-graduate Student of the History of
Russia Department
E-mail: dan-cukanov@yandex.ru
Tel.: 8-908-140-10-80*